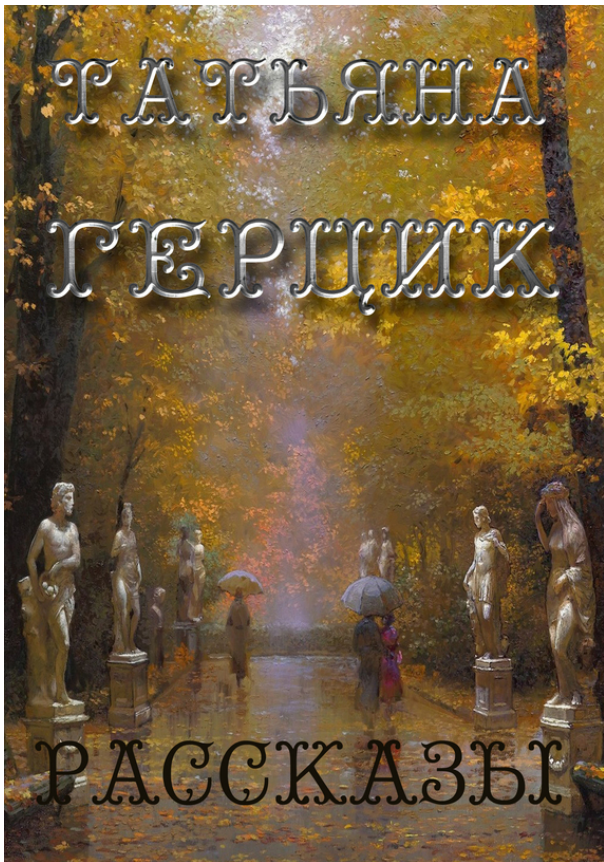

ТАТЬЯНА

ГЕРЦИК

РАССКАЗЫ

Татьяна Герцик

Рассказы

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Рассказы о любви, предательстве, возмездии, счастье.

Большая часть из них опубликована в женских журналах.

Содержание

Банальная история	5
Возвращение первой любви	13
Встреча на дороге	23
Зеркало	33
Ирина	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Татьяна Герцик

Рассказы

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Банальная история

Мои родители всю свою жизнь дружили с очень симпатичной парой, Ларисой и Владимиром. В нашем доме они бывали постоянно. Лариса, яркая натуральная блондинка с красивыми светло-голубыми глазами, часто смеялась звонким, как серебряный колокольчик, смехом. Владимир, высокий, стройный, с гривой вьющихся каштановых волос, был вполне достоин своей красивой жены.

На Ларису он всегда смотрел со снисходительной нежностью. Я долго не могла понять, почему он относится к такой красивой и веселой жене с кажущейся мне обидной снисходительностью, пока мама не объяснила, что Владимир – большой начальник в правлении завода, а Лариса – простой экономист в их цехе.

Но, тем не менее, пара была очень милой и держалась дружно. Заводилой у них, конечно, была Лариса, но Владимир от нее не отставал. Тоже пел, плясал с ней «цыганочку», рассказывал забавные анекдоты и истории из жизни. Но всегда давал почувствовать собеседникам, что он большой начальник. Причем не явно, а поворотом головы, небольшой паузой, немного надменным взглядом.

Мне, конечно, больше нравилась Лариса. Она была маминой подругой еще со школы. Рядом с ней жизнь становилась интересней и, если можно так сказать, вкуснее. Она

умела наслаждаться любой, с точки зрения обычных людей, ерундой. Мамин пирог, который я воспринимала как обыденность, для нее был «изумительнейшим и вкуснейшим». Погода – всегда «прекрасная», неважно, хлестал ли за окном проливной дождь или мела метель при сорока градусах ниже нуля. Собственного мужа она совершенно искренне считала совершенством, ну просто ангелом во плоти. Во всяком случае, ни я, ни мама никогда ничего плохого от нее о Владимире не слышали.

У них было двое детей, Света, моя ровесница, и Игорь, старше меня на три года. Со Светой мы дружили, она была милой и открытой, как мать, а Игорь меня жутко утомлял, он походил на отца, и даже маленьким был исполнен осознанием собственной значимости. Мой отец в шутку говорил: растет будущий начальник.

Лариса мужа обожала. К его возвращению на столе всегда стоял вкусный ужин, в доме – чистота и уют, дети ухожены, и вообще, любовь, мир и покой.

Продолжалось так до середины лихих девяностых. Завод при наступлении дикого капитализма рухнул, его распродали за гроши разного рода нуворишам, и Владимир, у которого деловой хватки не было ни на грош, оказался рядовым инженером. Деньги он получал, но их и на хлеб не хватало. Этого он, правда, не знал, поскольку по магазинам сроду не ходил, не царское это дело. Он даже не интересовался, сколько ему теперь платят, выданную ему в бухгалтерии банков-

скую карту он отдал жене, не желая связываться с банкоматами.

Спасая семью от голода, Лариса подалась сначала в продавцы, а потом, взяв кредит в банке, сама открыла сначала один магазинчик, потом другой. Попала в струю, очень быстро отдала кредит, и через несколько лет у нее уже была полноценная торговая сеть по всему краю.

Чтобы любимый муж не догадался о собственной ущербности, ничего ему не говорила, а деньги на хозяйство, как обычно, клала на полочку, откуда каждый член семьи брал себе по потребности. Лариса никогда не проверяла, кто, сколько, и куда тратил, просто по мере убывания денег добавляла очередную порцию, только и всего, благо средства на это у нее были. Она все так же любила мужа, не замечая его небрежности и холодности, по-прежнему считая себя потрясюще счастливой женщиной.

Время шло, дети выросли и отделились, пошли внуки. Как-то Лариса с дочерью и маленькой внучкой ходили по «Детскому миру», выбирая куклу. Остановившись в одном из отделов, увидели странную картину: мальчик лет десяти теребил Владимира, громко требуя дорогущую машинку, называя его при этом папой. Рядом с ними стояла ухоженная молодая дамочка в дорогой норковой шубке.

Владимир, не замечая жену, королевским жестом вытащил из кармана пачку денег и расплатился за игрушку. Лариса тихо ахнула, машинка стоила гораздо больше месячной

заплаты мужа. Он тратит на вторую семью ее деньги? Как это подло!

Света с удивлением смотрела на мать. Они с братом давно знали о существовании у отца любовницы и внебрачного ребенка. Дочь была уверена, что мать об этом знает тоже и молчит, чтобы не разрушать семью. Во всяком случае, отец уходить к другой явно не собирался. Его вполне устраивала двойная жизнь.

Заметив, как жутко побледнела мать, Света увезла ее домой. Попыталась было утешить, говоря, что отец давно уже путается с молодой бабенкой, и не стоит обращать на это внимание. Но обычно мягкая и снисходительная Лариса вдруг заявила, что дочь поощряет разврат, если столько времени ничего ей не говорила. На слова, что та просто не хотела ее расстраивать, пренебрежительно рассмеялась. Расстраивать? Да она полжизни провела, как выяснилось, во лжи. И любила подлеца.

Света и подумать не могла, что мать так разойдется. Уговоры и призывы успокоиться на нее не действовали.

Отправив дочь домой, Лариса, все так же кипя, дождалась Владимира и принялась выяснять отношения. Как и полагается, тот обвинил в своих грехах ее. А кто еще виноват? Она и такая, и сякая. А когда Лариса потребовала развода, снисходительно согласился. Но при условии, что она освободит жилплощадь, ведь эту квартиру на заводе в свое время дали ему как большому начальнику. И теперь, когда у него новая

семья, квартира ему гораздо нужнее, чем одинокой, никому не нужной бабенке.

Лариса спорить не стала. К этому времени она давно уже не нуждалась ни в каких подачках. Быстро собрала вещи и ушла, оставив бывшему мужу все, что было в квартире. Забрала только машину, чем Владимир был жутко недоволен. Он был абсолютно уверен, что все вокруг куплено на честно им заработанное.

Развели их сразу, даже без испытательного срока. А чего тянуть? Несовершеннолетних детей, чьи интересы могли бы быть затронуты скоропалительным разводом, у них не было.

Мои родители были здорово огорчены этой новостью. Переживала и я. Мне всегда казалось, что Лариса и Владимир прекрасная пара и будут вместе до конца.

На очередной день рождения моей мамы Владимир умудрился припереться вместе со своей молодухой, как назвала ее мама. Но мама проявила незаурядную твердость, не пустив их дальше порога. Распутникам и прелюбодейкам в ее доме делать нечего! Эти слова повергли Владимира в шок. Он явно не ожидал, что старые приятели так резко порвут с ним всякие отношения. Похоже, это впервые заставило его усомниться в своей правоте.

Но его дурной пример оказался заразительным, среди родительских друзей распалось еще две пары. Мама об этом очень сожалела, а отец наоборот, как-то сказал ей, что вполне этих мужиков понимает, молодые жены гораздо предпо-

чтительнее старых. На это моя мудрая мамуля ответила, что цыплят по осени считают, и что после пары-тройки лет с молодыми женами мы наверняка кого-нибудь из этих молодящихся мужиков не досчитаемся. Так оно и оказалось, ведь жить не в своем возрасте и трудно, и опасно.

Но больше всех нас удивила Лариса. В одном из ее магазинов работал усталый мужчина лет тридцати пяти, тоже недавно разошедшийся с женой, которая нашла себе более выгодную партию и выставила из дома ненужного мужа. Он начал пить, потерял работу и смог устроиться только грузчиком в заштатный магазинчик. Лариса его подобрала, обогрела, придела, и женила на себе. Разница в двадцать с лишним лет ее не отпугнула.

Но, если друзья были просто удивлены, то Игорь, его ровесник, встретил отчима в штыки. Он в запале заявил, если мать не прекратит его позорить, то он ее знать не знает. Это тотчас вышло ему боком, возмущенная Лариса порвала с ним все отношения. А поскольку сын привык за счет матери жить на широкую ногу, то скоро о своей вспыльчивости пожалел и попытался помириться. Но Лариса оказалась особой злопамятной и мириться не пожелала. Возможно, потому, что сын и внешне и поведением напоминал ей мужа-предателя.

Света повела себя умнее, ссориться с матерью не стала, но и с отцом связи не порывала. От нее я узнала, что мачеха, уверенная, что сыпавшиеся на нее деньги принадлежат Вла-

димиру, была неприятно поражена, выяснив, что это далеко не так, и что получает он жалкие гроши.

Впрочем, для Владимира это тоже стало обескураживающим открытием. Он всю жизнь полагал, что полностью обеспечивает семью, и то, что его зарплаты не хватает даже на мелкую мелочь, стало для него серьезным ударом. Он с трудом нашел работу поденжнее, но она оказалась для отставшего от реалий жизни заводского инженера настолько тяжелой, что он получил свой первый инфаркт.

Молодая жена оказалась не готовой к уходу за больным мужем, и отдельную палату в больнице вкуче с сиделкой, а затем и путевку в санаторий оплачивала Светлана из материнских денег, естественно, ничего той не говоря.

После болезни Владимир сильно изменился. Как-то встретившись на улице с моим отцом, признался, что был неправ, променяв Ларису на чужую молодость. Он так и сказал – «чужую молодость». Папа потом говорил мне, что ему стало жаль старого приятеля, уж очень потеряно тот выглядел. Голова тряслась, из тусклых глаз непрерывным ручейком текли слезы. Владимиру уже не нужны были ни молодая жена, ни маленький сын. Папа был уверен, что, помани его Лариса только пальцем, он бы опрометью кинулся обратно.

Но это было невозможно. Не только Лариса не желала возвращения бывшего мужа, но и ее нынешний муж тоже был категорически против. Он только-только распробовал, как хорошо быть мужем богатой женщины, и от такой сказоч-

ной жизни отказываться не собирался. К тому же после измены прежней жены он искренне привязался к Ларисе, обретя тихую безопасную гавань.

Как-то раз, придя на обед в ресторан, я столкнулась с Ларисой и ее нынешним мужем. Увидев меня, она обрадованно вскрикнула и кинулась ко мне, на мгновение напомнив мне ту славную женщину, что мне так нравилась когда-то. Но продолжалось это недолго. У нее во взгляде появилась щемящая тоска, наверное, она тоже вспомнила те времена, когда была беззаботна и счастлива.

Яркий блеск в ее глазах тут же потух, Лариса уже не смеялась, как нежный колокольчик, и как-то опасно поглядывала на стоящего рядом мужа. Может быть, видела во мне потенциальную соперницу?

Хотя я не понимала, чего ей бояться. Выглядела она прекрасно, и никто б не подумал, что разница между супругами так велика. Подтяжка лица и регулярные уколы ботокса сделали свое дело. Правда, лицо у нее стало безжизненным, напоминая красивую, но неподвижную камею.

Поговорив минут пять, они распрощались и ушли, а я стояла и молча смотрела им вслед. Мне было вдвойне обидно, и за Ларису, и за Владимира. И отчаянно жаль, что невозможно повернуть время вспять, также как и исправить сделанные ошибки.

Возвращение первой любви

После целого дня, проведенного в московском зоопарке, Рита с дочкой шли по главной аллее к выходу. Лиза довольно щебетала, спеша поделиться с матерью дневными впечатлениями. Рита молча кивала головой, не вслушиваясь в ее болтовню, дочке был важен не собеседник, а сама возможность выговориться.

У входа уже торчал Михаил, сердито поглядывавший по сторонам. Едва увидев жену с дочерью, пошел им навстречу, громко выражая свое недовольство. Лиза тут же замолкла и крепче ухватилась за руку матери.

Как обычно, Михаил был раздражен и громко высказывал жене свое недовольствие. Дочь посмотрела на мать обеспокоенным взрослым взглядом и умиротворяюще улыбнулась. В этот момент их обогнал высокий мужчина, державший за руки девочку и мальчика, и обернулся, бросив на Риту быстрый взгляд.

От неожиданности она запнулась. Время сделало кульбит и отбросило ее на более чем десять лет назад. На берег Волги, на дикий пляж, где они с Георгием впервые увидели друг друга. Здесь же он признался ей в любви, а она струсилась и не ответила на его признание. И жалела об этом всю свою жизнь. Теперь Георгий работал в престижном московском НИИ, стал доктором наук, светилом отечественной науки.

Остановившись возле черного «мерседеса», Георгий открыл дверцу. Пока его дети устраивались на заднем сиденье, он пристально смотрел на Риту. Ей вдруг стало стыдно. Не за себя, а за мужа, все так же склочно бубнящего какую-то ерунду. Она несмело улыбнулась Георгию, понимая, что он вовсе не обязан отвечать. Он без улыбки кивнул ей головой и перевел взгляд на Михаила. Лицо у него враз затвердело, и глаза неприязненно прищурились. Порывисто отвернулся, сел на место водителя и уехал, больше не взглянув на Риту. Ей стало горько, так горько, что даже во рту появился противный привкус желчи.

Михаил сердито рявкнул, что жена тащится, как тельная корова, и из-за нее они опоздают на самолет. Они никуда не опаздывали, но Рита молча прибавила шаг, спорить с мужем было бессмысленно.

Лиза почти спала, когда Рита укладывала ее в постель. Но все-таки дочка нашла в себе силенки приоткрыть глаза и признаться, что сегодня было здорово. И вдруг мрачно добавила: – «А без папы было бы еще лучше».

У Риты дрогнули руки. Вот и дочь понимает, что без отца ей лучше. Слепо глядя в темное окно, Рита пыталась вспомнить, каким же был Михаил, когда она выходила за него замуж?

Она заканчивала университет, когда на одной из студенческих дискотек познакомилась с молодым мужчиной, выглядевшим среди демократично одетых студентов на ред-

кость инородно. На нем был прекрасно сидевший двубортный костюм классического покроя и серебристая рубашка. Он пригласил ее танцевать, и она полюбопытствовала, не преподаватель ли он. Он пренебрежительно фыркнул и заявил, что он бизнесмен. Как говорится, владелец заводов, машин, пароходов.

Михаил принялся напористо ухаживать за ней, вмиг отвадив всех ее друзей. Эх, если бы в то время за льстивыми словами и красивым ухаживанием она смогла разглядеть капризного маменькина сыночка! Или хотя бы поверить бабушке, сразу сказавшей ей, что он – фанфарон, и счастья ей с ним не видать.

Но Ритины родители, очарованные его обходительностью, щедростью, нежной заботой о дочери, настойчиво советовали принять его предложение. Ну, еще бы, ведь за ним она будет как за каменной стеной. Он же ни в чем ей не отказывает!

И в самом деле, Михаил ни в чем ей не отказывал. Впрочем, Рита ничего у него и не просила. Он сам решал, что шубка, которую он купил ей в прошлом году, уже вышла из моды и подрывает его престиж. Чтобы не уронить драгоценный престиж, он тут же тащил жену в меховой бутик и, пересмотрев с десятков-другой шуб, покупал самую дорогую. То же было и с драгоценностями, нарядами, обувью, даже нижним бельем.

Порой Рите казалось, что муж воспринимал ее не как че-

ловека, а как рекламный манекен, нуждающийся в дорогом обрамлении. Но ей-то были нужны не дорогие вещи, а внимание, возможность поговорить о том, о сем. Но Михаил считал, что ему с ней говорить не о чем. Он приказывал, она исполняла.

Друзей у них не было, только его деловые партнеры. Со своими подругами Рита встречалась в кафе, украдкой. Похоже, Михаилу хотелось превратить ее в вещь, которой можно помыкать, как вздумается.

Рита никак не могла понять, почему она столько терпит. Что заставляет ее оставаться с этим мелким тираном? Ведь не его же деньги? Тогда что? Боязнь одиночества? Неужели она живет по принципу «пусть любой, только не одной»?

Едва она вышла из детской, как Михаил быстро подтолкнул ее к спальне. Несмотря на свои бесконечные придирки, для секса он считал ее достаточно привлекательной. А может просто не хотел тратить энергию на поиски другого объекта? Ночью, как известно, все кошки серы.

На выходные Михаил, уступив просьбам жены, повез семью на берег Волги, в дом, доставшийся Рите от бабушки.

Утром Рита поднялась очень рано. Опасливо поглядев на мужа, крепко спящего в их супружеской постели, торопливо вышла в коридор. Заглянула к дочери, та тоже мирно спала, уткнувшись носом в подушку.

Натянув закрытый купальник, прошла по старому саду и спустилась вниз, осторожно выбирая дорогу по крутому

склону, заросшему малиной и ежевикой. Дикий пляж ничуть не изменился со времен ее детства, только вода уже не казалась ей такой ласковой и прозрачной. А, возможно, такой уже и не была, все-таки кругом открылась уйма всяческих заводов и заводиков.

Рита вошла в воду и поплыла, наслаждаясь прохладой и тишиной. Проплавав с полчаса, решила не дразнить гусей, то есть одного, но крайне агрессивного, гуся, и вышла на берег. И замерла, не веря своим глазам, – на берегу стоял Георгий. Он ничуть не изменился. Все такой же загорелый, подтянутый, он покачивался на длинных ногах у самой кромки воды.

Рите захотелось прикрыться. Не то, чтобы у нее испортилась фигура или жирок повис на боках, но все-таки ей было далеко не семнадцать, и на животе после родов проступили растяжки. Но прикрыться было нечем, и она стояла перед ним, чувствуя себя совершенно голой.

Георгий сделал шаг, положил руки ей на плечи, придвинул к себе, но не прижимал. Рите бы возразить, но она молча смотрела в такое родное лицо.

Наконец он выдохнул – как часто мне снились твои голубые глаза!

Рита не поверила. Если бы она была ему так дорога, он бы нашел возможность встретиться с ней давным-давно!

Георгий возразил, – если бы она не продемонстрировала в то далекое лето, насколько он ей противен, он бы это сделал. А так он просто пытался ее забыть. И даже казалось, что ему

это удалось. До той встречи в зоопарке, пока она не посмотрела на него таким взглядом, что у него появилась надежда.

Рите пришлось напомнить ему, что она замужем.

Георгий брезгливо поморщился. Это он заметил. За идиотом, обожающим командовать и попрекать.

Она затравленно посмотрела на него. Что на это сказать?

Оценив ее молчание как поощрение, Георгий склонился к ней и взял за подбородок. Потом приложил свои губы к ее и поцеловал с мягкой нежностью. Земля тотчас ушла у нее из-под ног, и она машинально уцепилась за его плечи.

В себя ее привел громкий голос мужа и свист. Она отпрянула от Георгия и посмотрела наверх. Хотя сверху и невозможно было разглядеть, что делается внизу, она испугалась. Быстро пошла к тропинке, на ходу прощаясь с Георгием.

Вслед ей, как камень, донеслось: хорошо же он тебя выдрессировал, бежишь по первому зову.

Не отвечая, Рита поднималась по тропке, сдерживая слезы. Видеть мужа ей не хотелось совершенно.

Как обычно, он начал с попреков, почему она, такая дураха, отправилась купаться в такую рань, даже не предупредив его и забыв о ребенке? Им пора завтракать, а есть нечего!

Рите очень хотелось сказать, что нажать на кнопку чайника и подогреть в микроволновке кашу может и дебил, но, прекрасно зная, что возражения приведут к еще большему словоизвержению, промолчала. Накрыв на стол, пошла в ванную и сделала вид, что стирает.

Зачем сюда приехал Георгий? Рита знала, что здесь жили его дальние родственники, но никогда не слышала, чтобы он приезжал их навестить. Очень хотелось думать, что приехал он из-за нее, но это было бы явным самообманом, она же собственными глазами видела чудесных детей, которых он водил в зоопарк. Наверняка и жена у него сродни тем изумительным совершенным созданиям, что существуют только на обложках глянцевого журналов.

Неужели ему захотелось развлечься? В его слова, что он думал о ней все время их разлуки, ей не верилось. Возможно, из-за низкой самооценки, внушенной-таки мужем.

Домой они уехали в этот же вечер, потому что Михаилу досаждали волжские комары.

После встречи с Георгием муж стал Рите окончательно неприятен. И, когда он в очередной раз начал склочно высказывать, какая она неумеха, Рита не выдержала и предложила ему подыскать себе другую жену, поумелее.

Он осекся и скептически посмотрел на нее. Услышала Рита стандартное, – до чего же она неблагодарная! Живет, как у Христа за пазухой, и еще чем-то недовольна. И вообще, может уматывать. Но при этом ей от его щедрот ничего не отломится. Как сыр в масле кататься за его счет у нее не выйдет.

Рита пожала плечами и ушла в детскую комнату. Пристроившись на краешке дочкиной кровати, перекапталась ночь, а утром, едва дождавшись, когда Михаил уйдет в офис, собрала свои вещи, забрала дочь и ушла.

Михаил не сделал ни одной попытки к примирению, что ее ничуть не огорчило. Она подала на развод, и развели их на редкость быстро и спокойно, причем Михаил даже в суде не появился, а прислал своего адвоката. Единственное, что тот сделал, взял с Риты расписку, что на имущество Михаила она не претендует. Так и закончилось для нее несчастливое замужество.

Отпуск у нее еще не кончился, и она, недолго думая, поехала в бабушкин дом. Она не надеялась снова увидеться с Георгием, да и видеться им было нельзя, он был женат, а влезать в чужую семью третьей лишней ей претило.

Ее отпуск подходил к концу, когда возле их полудикого пляжа остановилась небольшая, но очень симпатичная яхта. Они с дочкой как раз играли в мяч, когда яхта развернулась к ним боком и стала причаливать. Лиза тут же подбежала к матери, крича о красивом кораблике.

Рите пришлось ее разочаровать. Красивый-то он красивый, но им придется отсюда уходить. Сейчас на берег спустится развеселая компания, начнутся шашлыки, песни, громкая музыка. Лиза с сожалением, но послушно собрала свои вещи, и они пошли наверх по узенькой тропинке.

С яхты быстро спрыгнул высокий мужчина и перегородил им дорогу.

– Здравствуйте! Вот хотел поиграть в капитана Грея, но не удалось. – В одних шортах с голым торсом Георгий был похож скорее на пирата, чем на романтического героя Грина. –

Но, может, покатаемся?

Рита не отвечала, смиряя колотившееся сердце, и Лиза, решив, что мама против, с загоревшимися глазками потянула ее за руку.

– Мамочка, пожалуйста! Ну, совсем-совсем чуть-чуть! Обещаю, что я даже творог вечером съем!

Для нее это и в самом деле было героизмом, и Рите пришлось уступить под взглядом двух пар умоляющих ее глаз.

Георгий перебросил на берег легкие сходни, и они поднялись на борт. Паруса тут же поймали попутный ветер, и яхта помчалась на середину реки.

На палубе никого не было, и Рита удивленно спросила, где все. Георгий с недоумением посмотрел на нее. Ей пришлось уточнить: жена, дети. Георгий в свою очередь удивился. Он не женат, и никогда не был. А в зоопарке с ним тогда были племянники. Он, как примерный дядька, периодически водит их по разным увеселительным местечкам. А вот она замужем, но для него это значения не имеет. Надеюсь, Рита поняла, что он ее похитил?

Похитил? Рита растерялась от обрушившейся на нее информации. Зачем? Ведь она уже не замужем.

Узнав об этом, Георгий внезапно чертыхнулся, и Рита с удивлением взглянула на него. Он пояснил, обидно, что он не может ее даже поцеловать.

Рита смущенно усмехнулась, и они оба посмотрели на Лизу, с восторгом наблюдающую за пролетающими над яхтой

чайками.

Георгий хмуро признался:

– Знаешь, сколько лет я жалел о том, что напугал тебя тогда! И ведь понимал, что нельзя спешить, но гормоны победили. Теперь я гораздо умнее, и прежних ошибок не повторю.

...С той поры прошло почти десять лет. Они женаты, у них двое общих детей. Лиза любит отчима гораздо больше, чем родного отца. Михаил, кстати, звонил Рите через год после разрыва, и в своей высокомерной манере сообщил, что он ее простил, и она может вернуться.

Георгий, слышавший этот разговор, взял у нее трубку и в нескольких словах доступно разъяснил, почему Михаил должен забыть о своей бывшей жене. Потом признался Рите, что ему даже немного жаль этого дурака. До Михаила постепенно доходит, что Рита – лучшее, что было в его жизни. Но пусть не надеется, что он, Георгий, кому-то ее отдаст. Он прекрасно понимает, что Рита – сокровище. Его сокровище.

Это было приятно, хотя у Риты и была целая уйма недостатков. Но и она не видела недостатков мужа. Наверное, так и должно быть, если любишь?

Встреча на дороге

В кафе было малолюдно. Только за соседним столиком сидели две подружки и увлеченно лизали мороженое. Павел заказал полноценный обед и принялся за еду, не обращая внимания на призывные взгляды юных дурочек. Его давно достала эта раскрепощенная молодежь, впрочем, и не молодежь – тоже. Он давно утратил юношеские иллюзии, за свои тридцать пять лет выяснив, что все бабы, независимо от возраста, стремятся жить безбедно и вольготно, для чего беззащитно используют мужиков. Но после пяти лет жизни с Ириной, теперь уже бывшей женой, он все их дешевые приемчики видел насквозь.

Съев обед, вышел из кафе, вывел со стоянки свой мерседес и погнал по шоссе. Отвлечшись от дороги, потянулся к бардачку за сигаретой, и тут по его ветровому стеклу размазалась нелепая фигура с дико выпученными глазами.

Он ударил по тормозам и быстро выскочил из машины. На его капоте лежала женщина в сизой куртке, опущенной мехом неизвестного науке зверя. Подняв дамочку, Павел боязливо поинтересовался, не сильно ли она ушиблась. Та ошарашено повертела головой, похлопала себя по бокам, и задумчиво констатировала, что у нее вроде ничего не болит.

Павел тут же решил, что она оказалась на его пути не случайно. Мало ли желающих поживиться за счет богатеньких

владельцев дорогих иномарок? Устроят псевдостолкновение и денежки потом качают. Неприязненно спросил, какого лучшего она оказалась на дороге в неполюженном месте, здесь же нет светофора.

Дамочка, до этого момента настроенная довольно миролюбиво, мгновенно взвилась. Она, между прочим, шла по пешеходному переходу, и это он должен был ее пропустить, а не давить, как жалкую букашку.

Павел посмотрел вниз. Действительно, на асфальте виднелась полустершаяся зебра. Неохотно признал свою вину. Поскольку от любых неприятностей привык откупаться, предложил отступные. Дамочка не поняла, за что. Павла эта нарочитая наивность разозлила еще больше. Да за то, что она кинулась под его машину. Ведь именно этим она и промышляет, разве не так?

Женщина даже задохнулась от возмущения. Горящим взглядом пронзила его насквозь и пошла, чуть прихрамывая, в сторону стоящего у обочины серого здания.

Павлу внезапно стало стыдно. Похоже, долбанул он ее здорово. Чертыхнувшись, быстро догнал и предложил довести до больницы. Она даже не повернулась, бросив через плечо, – ей некогда, у нее через десять минут уроки начинаются.

Павел внимательнее взглянул на серое здание. К главному входу тоненькими струйками стекались тинейжеры. На фасаде виднелась табличка с надписью «финансово-экономический колледж». Итак, дамочка – преподаватель. Если бы

он не заиклился на мнимом шантаже, сразу бы догадался об этом по ее строгим повадкам.

На всякий случай спросил, не надо ли ей чего. В ответ услышал: от него – ничего! Он же мечтает забыть этот инцидент, как страшный сон, и она гарантирует: никто ему в этом не помешает.

С облегчением пожав плечами, мол – «вольному-воля», – Павел сел в машину и уехал.

В офисе секретарша, взятая им исключительно для представительских целей, поскольку самой сильной ее стороной были растущие от ушей ноги, томно промурлыкала, что его ждут посетители. Павел прошел в свой кабинет, и рабочий день продолжился. Он принимал разного рода просителей, решал текущие вопросы, утверждал решения своих замов, в общем, занимался давно привычным делом, но никак не мог избавиться от виденья распластанного тела на своем капоте.

Не выдержав угрызений невесты откуда взявшейся совести, в четыре часа вышел из кабинета и известил секретаршу, что уезжает. Та в ответ снисходительно кивнула, считая, что вполне понимает, куда направляется шеф. Павел не мог ее за это винить. Он и в самом деле частенько уходил с работы, чтобы встретиться с очередной смазливой мордашкой. И что в этом такого? Сейчас в моде свободные отношения.

У колледжа было тихо и пусто. Закрыв машину, Павел зашел в вестибюль и удивленно огляделся. Посредине зеленоватой стены висело утыканное записочками расписание за-

нятий. Охраны не было, только на стульчике в гардеробе сидела бабулька в пестрой шали и что-то вязала. На звук открывшейся двери даже голову не подняла. Павел иронично поинтересовался, не боится ли она, что колледж заодно с ней могут ограбить.

Гардеробщица нехотя повернула голову и исподлобья посмотрела на странного посетителя. Назидательно сообщила, что брать тут у них нечего, да и охранник имеется. Просто сейчас он по этажам пошел, с проверкой. А у нее в столе тревожная кнопка есть. Ежели что, она ее нажмет. И доверчиво прибавила: но, ежели вызов ложный, то директрисе большой штраф платить придется, поэтому она от греха подальше эту кнопку и не нажимает никогда.

Посмеявшись, Павел попытался выяснить, что за учительница носит странную сизую куртку. В ответ услышал, что здесь все в сизых куртках. Зарплаты у них не такие, чтобы шубы норковые покупать. К тому же в колледже учительниц нет, а есть преподавательницы.

Поскольку для идентификации сбитой им дамочки потребовались особые приметы, Павел добавил, что она хромает.

Гардеробщица сняла очки и посмотрела на него предметно. Под ее холодным взглядом Павел почувствовал себя подлецом, но виду не подал. Немного помолчав для значимости момента, бабулька все же проинформировала его, что хромала сегодня только директриса. На простой вопрос, как зовут директрису и где ее кабинет, высокомерно заявила, что

имя-отчество директрисы ему ни к чему, так как та еще днем уехала по какому-то делу в гороно и в колледже ее нет.

С трудом сдержавшись, чтобы не выругаться вслух, Павел чертыхнулся себе под нос и вышел. В машине достал ноутбук, зашел на портал городской администрации, набрал в поисковике слова «финансово-экономический колледж». На экране высветилось – «директор: Славянова Елена Ивановна». Довольно хмыкнув, запустил базу с адресами, купленную у какого-то хакера, и выяснил, что она живет неподалеку, на улице Красной. В базе был и номер телефона, но звонить по нему Павел не стал. Зачем? Чтобы его тут же отфутболили?

Чтобы договориться с разбушевавшейся совестью, решил съездить к директрисе и извиниться лично. По дороге купил цветы, самый дорогой торт, и поехал по нужному адресу.

Около стандартной девятиэтажки стоял грузовик с мебелью, и дюжие парни затаскивали в подъезд громоздкий диван. Воспользовавшись okazji, Павел без колебаний проскочил мимо них и взбежал по лестнице на пятый этаж, именно там оказалась дверь с искомым номером.

На его звонок послышался озабоченный голос, спрашивающий, кто там. Павел без колебания солгал, что он из колледжа и ему нужна Елена Ивановна.

Дверь тут же открылась. На пороге стояла сама пострадавшая в длинном, до пола, халате. Лет ей оказалось немало, и в душе Павла отчего-то вспыхнула странная досада. Он вино-

вато поклонился и поинтересовался, как у нее со здоровьем.

Хозяйка вопросительно взглянула на него. Что у нее может быть со здоровьем? Павел решил, что она просто кокетничает, ведь женщины в любом возрасте не упустят возможности пококетничать. Скучно напомнил, что сегодня она хромала. Хозяйка возразила, – она и не думала хромать.

У Павла возникли неясные подозрения, и он неуклюже осведомился, не она ли наткнулась сегодня на его машину.

Хозяйка недоуменно воззрилась на него.

– Наткнулась? На машину? Ну и ну! – Сделала шаг назад и крикнула куда-то вглубь квартиры: – Лена! Иди-ка сюда!

Из комнаты вышла эта самая Лена в обрезанных джинсах и футболке на голое тело. Не удерживаемые лифчиком груди мягко колыхались в такт шагам. Павел вмиг почувствовал признаки сексуального возбуждения и неловко переступил с ноги на ногу.

Когда она подошла и встала рядом, Павел понял, что дверь ему открыла не директриса, а ее мать. Самой же Елене Ивановне было лет двадцать пять, не больше. Он с извинениями протянул ей букет, а торт вручил матери.

Елена Ивановна опасливо взглянула на мать и чопорно заявила, что он уже извинился и ни к чему было так утруждаться. И как он узнал ее адрес?

Павел постарался улыбнуться как можно безобиднее. Разве это секрет? Ее фамилия фигурирует во всех муниципальных базах.

Видно было, что ей очень хочется сказать ему что-то неприятное, но присутствие матери оказалось мощным сдерживающим фактором. Посмотрев на них понимающим взглядом, та заявила, что накроеет на стол, скоро ужин. И предложила нежданному гостю перекусить вместе с ними.

Обрадовавшись неожиданной поддержке, Павел быстро согласился и назвался: Павел Воронцов. Отчество не назвал умышленно, чтобы не чиниться.

В ответ мать кивнула головой и отправилась на кухню, оставив гостя на попечение дочери. Елена Ивановна сердито посмотрела вслед матери, но была вынуждена корректно предложить Павлу раздеться и пройти в комнату. Немного поколебавшись, разрешила ему звать себя Еленой, ведь будет на редкость глупо, если она станет звать его Павлом, а он величать ее по имени-отчеству.

Сняв кожаную кутку и аккуратно повесив ее на вешалку, Павел прошел за хозяйкой в комнату. С досадой вздохнув, Елена переложила с кресла пачку тетрадей на заваленный учебниками стол и пригласила гостя садиться.

Павел сел и беззастенчиво уставился на хозяйку. Она не была красавицей, но ее очень красили синие глаза с темными ресницами. Сердитое выражение лица ее не портило, хотя обаяния и не прибавляло.

Елена строго, как у нерадивого ученика, спросила:

– Зачем вы пришли. Совесть замучила?

Павел рассмеялся и легко признался, что так оно и есть.

– Понятно. В обычное время она вас не мучает.

– Я о ней и не вспоминаю.

– А с чего вдруг сейчас?

– Для меня это тоже загадка.

Елена посмотрела на него с нескрываемым подозрением и вдруг догадалась, – да просто он хочет пристроить своего ребенка в ее колледж!

Павел усмехнулся. Вот ведь как шутит жизнь! Он подзревал ее в попытке шантажа, и это вернулось ему бумерангом! Признал, что детей у него нет. И честно добавил, если бы он кого-нибудь куда-нибудь пристраивал, то это был бы не какой-то заштатный колледж.

Елена пренебрежительно сморщила нос, она не одобряла снобов. Павлу стало не по себе. К счастью, он вспомнил, что приехал справиться о ее самочувствии, и наконец-то поинтересовался, как она себя чувствует. Елена небрежно взмахнула рукой и уверила его, что вполне сносно. Просто синяк. Он наклонился и посмотрел на ее голые ноги. На стройном бедре расплылось отвратительное сине-зеленое пятно. На душе у него стало погано, и он сердито потребовал у нее немедленно поехать с ним в больницу, пообещав оплатить все расходы.

Елена посмотрела на него, как на малого ребенка, и снова отказалась.

Павел огляделся. Мужских вещей вокруг не было, но все равно, не замужем ли она? Спросил об этом прямо и Елена

ответила, что нет, не преминув при этом уколоть, вас-де это никаким боком не касается. Павел почувствовал приятное облегчение, и сам поразился этому. Но тут же в силу негативного житейского опыта в его мозгу возникло досадное подозрение. В такие юные годы просто так директорами не становятся. Неужели она заслужила эту должность специфическим образом?

Поняв, о чем он думает, Елена сердито нахмурила ровные брови. Она стала директором не по благу, как он считает в силу извращенного склада ума. Просто она кандидат экономических наук. Да и лет ей уже тридцать.

Павел опешил. Елена выглядела от силы лет на двадцать пять. Недоверчиво переспросил, правда ли это, чем вызвал новый взрыв негодования. Она уже достала паспорт, чтобы ткнуть его носом в дату рождения, но пикировку прекратила мать, пригласившая их на ужин.

За ужином Павел рассказал забавный случай из своей практики, и Елена, не сумевшая удержать на лице маску холодной руководительницы, весело рассмеялась, сразу превратившись в озорную девчонку. У нее даже глаза засветились не холодным синим, а ярким голубым цветом. У Павла неистово забилось сердце, и вдруг открылась потрясающая истина – он влюбился!

Он притих, пытаясь осмыслить это сногшибательное открытие. Елена поняла его молчание по-своему, и чуть заметно насупилась. Решив не форсировать события, Павел откла-

нялся. Он даже не пообещал появиться еще, решив, что внезапность – дополнительное оружие влюбленного мужчины.

Уже сидя в машине, как мальчишка, мечтательно пялился на светившееся на пятом этаже окно, воскрешая давно забытое ожидание счастья. Пообещав себе, что скоро, очень скоро увидит Елену вновь, уехал, и долго колесил по улицам вечернего города, не в силах заставить себя заниматься повседневными делами, такими далекими от тех чувств, что владели им сейчас.

Зеркало

На пятом этаже нашей старой девятиэтажки в проходной двушке обитала Люська, вреднющая беспардонная бабенка весом за сто кило, работавшая проводницей и выгнанная с железки за грубость. Стоило ли удивляться, что после пяти лет жизни с такой женой Николай, довольно приличный парень, начал пить, и, если бы не мать, вовремя забравшая его обратно в родительский дом, спился бы окончательно.

Люська, в принципе, бабенкой была симпатичной, и, пока не открывала рот, мужикам нравилась. Но, если уж открывала, то любой мужик, не бывший навеселе, уматывал со скоростью курьерского поезда. А те, что оставались, тоже выдерживали недолго, как правило, пару месяцев, не больше. В последнее время Люська окучивала иноземцев, коих в наших краях развелось немеряно, тем более, что те, как правило, тонкостей ее нелитературных речей не понимали.

Соседи же ее откровенно опасались и встреч с ней избегали. Правда, это не избавляло их от оскорбительных комментариев, которые Люська делала по поводу и без повода. Те, кто пытался противостоять ей в открытом бою, потом хватались за сердце и пили валерьянку, наслушавшись о себе много такого, чего прежде никогда в жизни не слышали. Чувствовала она себя после бурной свары победительницей и своими сомнительными достижениями гордилась.

Марья Ивановна из двадцать пятой квартиры искренне уверяла, что Люська биовампир, поэтому и доводит свои жертвы до слез, чтоб сподручнее было отсосать у них энергию. Соседи в это верили, все они после разговоров с Люськой чувствовали себя не просто уставшими, а ни к чему не годными.

Единственного сына Люськи воспитывала мать Николая, заявившая, что у такой матери вырасти может только рецидивист. Люська и не возражала, зачем ей такая обуза? Вольготная жизнь ей нравилась куда больше, чем участь матери-одиночки.

В последнее время она торговала по ночам в киоске, исподтишка всучивая алкашам паленую водку. Сама она не пила, а на упреки отчаявшихся жен беззаботно отвечала, что пусть их запойные муженьки пьют, сколько влезет, скорее сдохнут, без них воздух чище станет.

В этом же подъезде жила Настя, медсестра нашей районной больницы, девушка добрая, сочувствующая каждой твари. Она пыталась призвать Люську к порядку, объясняя, что зло, которое Люська бесшабашно рассеивает по белу свету, рано или поздно к ней и вернется.

На это Люська только смеялась, заявляя, что она не дурочка и в смешную мистику не верит. И вообще никакого зла не боится, она с любым расправится, человеком или призраком, ей все равно.

Как-то раз в приятный летний вечерок соседки собрались

возле подъезда, обсудить последние новости, кто кого с кем застукал и прочие бабские сплетни. Настя в это время шла мимо со своей тетушкой, полноватой невысокой женщиной с добродушным круглым лицом. Они тоже приняли участие в общем разговоре.

И в этот момент всеобщего благодушия появилась Люська. От такого обилия потенциальных жертв у нее голова пошла кругом. Она немедля заявила: все вы, бабы, дуры! А ты, Настька, больше всех. Вот почему ты думаешь, что Андрюха только за тобой ухлестывает? Он этой ночью с Тамаркой из соседнего дома шастал. Они у меня пиво в киоске покупали. И многозначительно добавила: распаренные такие.

Не понять откровенного намека мог только глухой дурак. Все замолчали и посмотрели на Настю, ожидая отпора. Та растерялась. Не верить Люське не было причин, и она совсем сникла. Ее молчание вдохновило Люську на новые откровения.

– А твой алкаш, Светка, прошлой ночью дважды за чешушкой прибегал, пока ты в ночную работала. А еще хорошим мужем его считаешь! Сева то, Сева се! Да клуша ты наивная, и больше ничего! Я этого твоего Севу поиметь могу только так! – и она лихо прищелкнула пальцами.

Женщины молчали, потому что давно убедились, что Люську им все равно не перекричать. Голос у нее был пронзительный и на редкость сильный. Ей вполне было по силам сирену на пожаре заменить.

Внезапно в разговор вступила тетушка Насти, совершенно спокойно поинтересовавшаяся у Люськи, неужели той доставляет удовольствие говорить людям гадости.

Люська откровенно обрадовалась неожиданному развлечению.

– Конечно! А ты как думала, старуха? Все молодисься, молодисься, а сама-то уже давно ни одному е*** не нужна!

К ее удивлению, женщина не возмутилась, а лишь как-то странно усмехнулась. И пристально посмотрела нахалке в глаза. Люська побледнела, покачнулась, схватилась за сердце, и стала медленно оседать на землю. Подхватывать ее никто не стал, и она кулем с картошкой свалилась под ноги собеседникам.

Первой опомнилась Настя, как-никак стаж работы в больнице у нее был приличный. Она выхватила телефон и набрала номер скорой. Та приехала минут через пять, врачи Люську тут же, на скамеечке, осмотрели и увезли в больницу.

Настя с тетушкой отправилась по своим делам, а напуганные быстротой наступившего возмездия женщины немножко пошутукались и разошлись. На следующий день Настя сказала любопытствующим, что у Люськи предынфарктное состояние и лечиться ей придется долго.

Люська появилась во дворе только через месяц. Соседи ее не узнали, она похудела килограммов на тридцать, стала странно тихой, вежливой и непривычно пугливой. Сначала все относились к ней настороженно, ожидая возврата к той,

прежней, наглой и зубастой особе, но прошел месяц, потом второй, но этого не происходило.

Люська нашла себе приличную работу в супермаркете, где вела себя с покупателями вежливо и внимательно. Там ее случайно встретил Николай, и, пораженный изменениями, произошедшими с его бывшей женой, зачастил к ней в гости, да так и остался. Сына им впрочем, бабушка так и не отдала, объясняя это тем, что они и нового ребенка завести могут, а им с дедом одним скучно будет.

Как-то женщины снова собрались возле лавочки, болтая о том, о сем. Присоединилась к ним и Настя. Соседки принялись у нее выпытывать, что же такое сделала ее тетушка, отчего Люська так кардинально изменилась?

– Тетя у меня, как выяснилось, что-то вроде экстрасенса. У нее энергетика очень сильная, и она любой негатив может вернуть тому, кто его послал. Это, кстати, любой может сделать, нужно просто вообразить, будто перед тобой зеркало. И что это зеркало отражает зло, которое посылает тебе дурной человек, неважно, мысли это или слова. И чем сильнее посланное зло, тем сильнее ответный удар. А напор у Люськи, сами знаете, какой. Вот она свое зло обратно и получила. Сама себя наказала, одним словом.

Изумившись простоте решения проблемы, женщины принялись вспоминать подобные случаи, и Люськина тема была закрыта.

Ирина

Новогодний банкет был в самом разгаре. Столы ломились от закусок и разномастных бутылок. В середине зала сверкала серебристо-синими огнями елка. Ирина не отрывала глаз от танцпола, где заканчивался конкурс бальных танцев. Финальный вальс исполняли победители, Андрей из отдела автоматизации и Люба из бухгалтерии. Андрей, в черном смокинге, выгодно подчеркивавшим его сильную высокую фигуру, казался воплощением мужской красоты. Люба в длинном красном платье, развевающимся от стремительного кружения и открывающем стройные ноги в туфельках на шпильке, тоже была чудо как хороша. Восхищенные зрители безоговорочно признали их самой красивой парой вечера.

Закончив последнее па, танцоры манерно раскланялись перед бурно аплодирующей публикой. Получив за первое место бутылку шампанского, Андрей с насмешливым поклоном вручил ее Любаше и поцеловал в щечку, отчего та разругнулась и кокетливо засмеялась, с восхищением глядя на партнера.

Вернувшись к коллегам, с триумфом водрузила на стол полученный приз. Ее лицо светилось от удовольствия. В своей обычной простоватой манере горделиво похвалилась, что Андрей просто супер! Мало того, что красавец и умница, каких поискать, он еще и сексуален до невозможности! Му-

жем он будет классным! И оглянувшись, нетерпеливо выискивая Андрея среди немногочисленных конторских мужчин.

К столу подошел официант и ловко открыл бутылку с шампанским. Не пролив ни капли, разлил его по бокалам и удалился.

Ирина подняла свой бокал и сдвинула его с бокалами дам, дружно желаящих друг другу счастливого Нового года. Едва пригубив, поставила обратно. Она и так выпила сегодня достаточно. Да и в счастье в новом году ей не верилось. Похоже, счастье вообще не для нее.

Она устала. Ужасно устала от своей безответной любви, больше похожей на наваждение, чем на нормальное человеческое чувство. И угораздило же ее влюбиться в ходячее совершенство! Андрей вот уже два года не обращал на нее никакого внимания. Или нет, внимание-то на нее он обращал, но при этом на его твердых губах играла такая скептическая ухмылка, что Ирина опускала глаза и старалась поскорее пробежать мимо.

И почему он себя так ведет? Конечно, в свое время она сделала глупость, намекнув ему о своей склонности, но для чего вести себя с ней так подчеркнуто-пренебрежительно? Она не сделала ничего, что могло вызвать негативную реакцию. Или это потому, что она, далеко не красавица, посмела обратить внимание на столь выдающуюся персону? Неужели Андрей такой мелочный?

Любаша продолжала щебетать, что Андрей, безусловно,

лучше всех мужчин их конторы, а может, и города, и уж она сделает все, чтобы заполучить его в единоличное пользование. Каждое ее слово впивалось в Ирину, как острый шип, и она с трудом удерживала на губах непринужденную улыбку. Под конец они просто склеились, и Ирина не могла произнести ни звука.

Зазвучала медленная музыка, и к их столу подошел Андрей. Любаша обвела соседок торжествующим взглядом, приглашая разделить свой триумф, но тот наклонился к Ирине и быстро выговорил приглашение на танец. Ирина деревянно поднялась и пошла с ним на танцпол, не в силах осознать, что же произошло. Проходя мимо зеркал, автоматически отметила, что платье на ней простенькое, без всяких украшений, и с пышным нарядом Любаши соперничать никак не может, но тут же забыла об этом, ощутив на своей талии горячие руки мужчины.

В обычной обстановке она танцевала неплохо, но не сейчас, когда Андрей был так близко. К ее ужасу, ноги сами по себе спотыкались на каждом шагу. После ее очередной попытки наступить ему на ногу Андрей скептически поинтересовался, сколько же она выпила. Ирина выпила всего-то пару бокалов шампанского, и пьянило ее вовсе не вино, а его близость, но признаться в этом было немислимо.

Ее вдруг обожгла нелепая мысль, если он считает, что она пьяна, то, возможно, ей стоит выкинуть нечто такое, отчего он будет вынужден сказать ей какую-нибудь гадость. После

этого в ней, конечно, разыграет гордость, и она сможет наконец-то его забыть.

Этот фантазмагорический план показался Ирине вполне выполнимым, возможно, из-за бурлившего в крови шампанского. Она раскованно обняла Андрея за плечи, грудью прижалась к его крепкому торсу, томно заглянула в глаза и откровенно призналась, что он давно ей нравится.

Помрачнев, он с силой сжал ладони на ее талии. Ирина осторожно повела глазами вокруг. Пульсирующий свет бил в глаза, толпа танцевала так плотно, что заметить, кто что делает, было невозможно. И она провокационно прижалась губами к уголку его рта. Андрей дернулся, и вдруг, с силой притиснув ее к себе, впился в ее рот. Ирина ответила на поцелуй, и они несколько минут простояли посреди танцпола, страстно целуясь.

Отрезвила их тишина. Ирина быстро отскочила от спутника на безопасное расстояние и жутко покраснела. Он иронично посмотрел на нее и молча повел обратно. Поклонился и ушел, ничего не сказав на прощанье.

Все видевшая Любаша пронзила ее ревнивым взглядом, но остальные дамы, занятые принесенным официантом куриным рулетом с грибами, на нее внимания не обращали. Ирина тоже принялась за еду, не чувствуя вкуса. Губы еще помнили силу и страстность поцелуя, и она никак не могла сообразить, что же произошло. Целовал Андрей ее как изголодавшийся по ласке мужчина, но после посмотрел с таким

скепсисом, что Ирина растерялась.

Разве можно так целовать и так смотреть? Неужели ему кто-то говорил про нее гадости? Но ведь всем понятно, что это поклеп, после знакомства с Андреем она ни с кем не встречалась, все парни казались ей мелкими и скучными.

Поковыряв в тарелке, Ирина вышла в фойе, где было прохладнее и громкая музыка не била по ушам. За ней тут же вылетела возмущенная Люба. Встав в позу оскорбленной богини, с напором потребовала объяснить, какого лешего она пытается отбить ее жениха.

Уже жениха? Ирина скептически усмехнулась. После ошеломительного поцелуя она в этом сильно сомневалась. Но Любе с подчеркнутым спокойствием объяснила, что ни у кого никого не отбивает. И чтоб Люба успокоилась, на них уже смотрят.

Неизвестно, что бы еще выкинула взбудораженная Любашка, но тут в фойе веселой гурьбой вышли мужчины, и среди них Андрей. Люба тотчас кинулась к нему и тесно прижалась, будто говоря всему свету: мое! Андрей снисходительно положил руку на ее плечо и с вызовом посмотрел на Ирину. Та развернулась и молча пошла обратно. Ей все стало ясно.

Взяв со своего стула сумочку, быстро спустилась вниз, в гардероб. Получив одежду из рук чем-то недовольной гардеробщицы, оделась и вышла на улицу, глубоко вдыхая холодный отрезвляющий воздух.

Перед рестораном стояла обряженная в серебристые шары искусственная елка неестественного ядовито-зеленого цвета. От ее мертвенного блеска у Ирины на душе стало еще мрачнее. Она оглянулась по сторонам. Как ей добраться до дома? Ловить такси или ехать на автобусе?

В сумочке тоненько запел сотовый. Мама! Ирина быстро сообщила, что у нее все в порядке и что она уже едет домой. Мама сконфуженно извинилась и попросила ее веселиться и не беспокоиться о ней. Она немного нервничает, ведь в их городе такая криминогенная обстановка, но это сущие пустяки.

Ирина прекрасно ее понимала. После смерти мужа, умершего на скамейке по дороге домой, мама тревожилась по всякому пустяку. Самое обидное, что никто из многочисленных прохожих не спросил, что с папой. Врачи говорили, что его вполне можно было спасти, вызови кто-нибудь вовремя скорую помощь. После этого маму будто подменили, из веселой уравновешенной женщины она превратилась в беспокойную и боязливую особу, поэтому дети, Ирина с Михаилом, старались попусту ее не тревожить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.